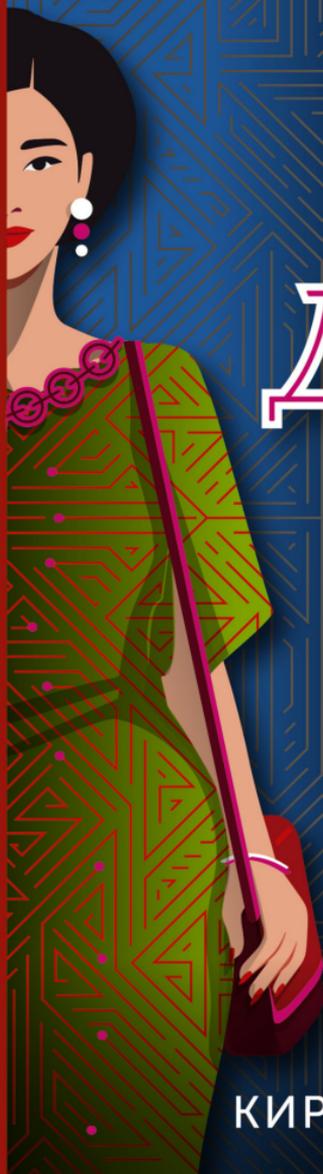

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ПО
Д
ДЕ
Л
К
А

КИРСТЕН ЧЕН

Кирстен Чен

Подделка

Серия «Авантюристки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68983200

Подделка: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-148641-9

Аннотация

Если модные бренды обманывают нас, продавая вещи по завышенной цене, можем ли мы обманывать их в ответ? Является ли подделка подделкой, если ее нельзя отличить от оригинала?

Когда бывшая соседка по комнате в колледже, Винни Фэнг, предлагает Аве Вонг заняться подделкой брендовых сумок (и не просто подделкой, а безупречной, один к одному), Ава сперва отказывается. Она привыкла жить честно! Но вскоре жизнь вынуждает ее рассмотреть предложение. Так начинается гениальная схема мошенничества.

Это история про сумки? Про авантюру века? Или может быть про дружбу и предательство? Про то, в чем кроется секрет успеха?

В этом романе есть все!

Содержание

Часть I	5
1	5
2	22
3	32
4	45
5	58
6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кирстен Чен

Подделка

Посвящается бабушке

Kirstin Chen
COUNTERFEIT

Печатается с разрешения William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg

© Kirstin Chen, 2022

© Смирнова А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть I

1

Первое, что я отметила – глаза. Огромные, как у анимешного персонажа, с большими тяжёлыми веками, искусно накрашенными в сложных медных тонах, обрамлённые наращенными ресницами премиум-класса, густыми и мягкими, как мех норки. Потом волосы – гладкие, но пышные, спадавшие до середины груди тугими кольцами, и кожу, безусловно чистую и очень белую. И одежду – роскошную шёлковую блузку, лабутены. И наконец, сумку – огромную сумку «Биркин 40» классического оранжевого цвета. Тогда я не знала всех подробностей, но, как большинство людей, понимала, что такие сумки – абсурдно дорогие и абсолютно бесполезные. Всё это я к тому, что женщина, стоявшая в дверном проёме кофейни по соседству от моего дома, выглядела очень богатой. Богатой, как туристы из Азии. Как китайцы с материка. Богатой-пребогатой.

Конечно, я была удивлена. За те почти двадцать лет, что мы не виделись, она изменилась так, что уже вообще ничем не напоминала мою соседку по общежитию в первый год учёбы. У неё даже голос изменился. В Стэнфорде у неё был сильный певучий акцент. Каждое слово, которое она произ-

носила, закруглялось на конце, как лист латука. Ей не удалось смягчить звук «з», он выходил грубым: зэбра, зэлень. Теперь я бы далеко не сразу поняла, что она из Китая. Когда она назвала свою фамилию по телефону, она прозвучала почти как «фен». *Ава? Это ты? Это Винни Фееенг.*

С какой стати она вообще захотела со мной пересечься? Где она взяла мой телефон? Теперь-то я могу предположить, что она велела своему частному детективу вычислить мои данные, но когда я у неё спросила, она беззаботно ответила: ой, да просто нашла тебя в списке выпускников.

Я не стала расспрашивать подробнее. Я согласилась выпить вместе кофе лишь потому, что мне было любопытно посмотреть, что с ней стало. Она так резко бросила колледж в середине первого учебного года. Никто из моих друзей с ней не связывался, в соцсетях её не было, во всяком случае, под настоящим именем. Время от времени до меня доходили слухи: что она вернулась в свой родной Сямэнь и закончила учёбу там, что она перебралась в Вирджинию ухаживать за больной тётёй, что вышла замуж за американца и почти сразу развелась. Подруга моей подруги говорила, что наткнулась на Винни в Лос-Анджелесе во время экскурсии в дорогую частную школу с полным погружением в китайский язык – там, по всей видимости, Винни преподавала чистописание.

Женщина в дверном проёме меня увидела. Ава! – воскликнула она и помчалась ко мне, распахнув в объятии одну руку – раскинуть другую ей мешала увесистая «Биркин».

Работники кофейни взглянули на неё с ленивым любопытством, может быть, приняв её за кого-то из инвесторов, а потом вновь уткнулись в свои экраны.

Я постаралась одеться получше, сменила привычные леггинсы на нормальные штаны на молнии, нанесла консилер под глаза. Но сейчас я чувствовала себя заурядной, как коричневый бумажный пакет.

Винни заказала двойной эспрессо и, взяв чашку и блюдо кукольного размера, под села ко мне. Первым делом я спросила, что привело её в Сан-Франциско, и она ответила, что она тут по делам – производство сумок, тоска смертная – и рассеянно отмахнулась, продемонстрировав кольца вечности¹, унизанные изумрудами и сапфирами. Подумать только, я оставила дома обручальное кольцо, чтобы не показаться слишком броской!

Вижу, ты удивлена, почему я позвонила, сказала она. Она объяснила, что её близкому другу в Китае понадобилась пересадка печени, и он хочет, чтобы операцию провели в США. Мой муж ведь хороший хирург – могу я дать его контакты? Конечно, она понимает, что он очень ценный специалист.

Ещё раз: мы двадцать лет не общались! Неправильно истолковав моё выражение лица, она сказала: я понимаю, после выборов трансплантаты для иностранцев почти не достать, но, пожалуйста, твой муж ведь может просто поговорить с

¹ Кольца из золота или платины, по кругу украшенные драгоценными камнями.

моим другом?

Ладно, пообещала я, передам Оли. Она рассыпалась в благодарностях, а потом сказала: ну а как ты вообще, Ава? Расскажи мне всё. Мы столько лет не общались.

Я быстренько пробежалась по списку (пока она усердно делала вид, что частный детектив ей всё это не сообщил). Муж, Оливье, о котором она, судя по всему, уже немного знает, наполовину француз, наполовину американец, жена-ты четыре года. Малыш Анри двух лет – хочешь посмотреть фото? Вот он в нашем саду, да, мы живём на этой же улице, чуть правее.

А с работой как?

Я дала стандартный ответ: оставила юридическую фирму, когда родился Анри, и теперь работаю из дома, так удобнее, баланс и всё такое. Пока я говорила, я изучала её лицо, пытаясь понять, что изменилось. Конечно, пластика век, сильная подтяжка лица, включая лазерную хирургию и микро-токовую терапию, качественное наращивание волос, дизайнерская одежда. Но дело было не только в этом. Сидя напротив меня, прихлёбывая кофе из крошечной керамической чашечки, Винни выглядела спокойной, расслабленной, выглядела как человек, который вписался в этот мир.

Что произошло с той полноватой серьёзной девочкой, которая вошла в нашу комнату, таща за собой пару потёртых ядовито-розовых чемоданов, набитых, как потом выяснилось, акриловыми кардиганами и плохо сидевшими брю-

ками из полиэстера? С этой самой минуты стало ясно, что мы не подружимся.

Почему, спросите вы? По обычным стереотипным причинам, которые так важны для подростков. Она была неловкой, нелепой, запуганной. Страшно запуганной. Только что с ко-рабля.

Нет, я тоже тогда была не особенно крутой, но мой случай был не критичным. Я понимала, что хорошие друзья по колледжу меня исправят, а плохие утянут на дно, и что у меня лишь крошечный клочок времени, чтобы сделать правильный выбор.

Понимаете, детектив, мне тогда казалось, что я всю жизнь ждала возможности попасть в Стэнфорд. Я выросла в пригороде Бостона – в Ньютоне, если вам интересны подробности – и была тихой зубрилой, которую никто не замечал. Ну то есть учителя, конечно, замечали, потому что у меня были отличные оценки, но постоянно меня путали с Розой Ши, моей такой же тихой зубрилой-подругой. Ещё несколько похожих на нас ребят со мной дружили, но для всей остальной школы, для *нормальных* её учеников, я была невидимкой.

Хотите пример? Однажды брат приехал домой на каникулы, мы пошли за мороженым и наткнулись на Митча Паулсона, его бывшего партнёра по теннису. Парни пожали друг другу руки, похлопали по плечам, ну и я помахала рукой этому Митчу. И клянусь вам, лицо Митча ничего не выражает. Гейб ему говорит: это Ава, моя младшая сестра, – а Митч

отвечает: очень приятно, рад познакомиться.

Рад познакомиться! Я видела больше десятка их матчей. Я знала, с кем Митч встречался в выпускном классе, и с кем встречался до этого, а он вообще понятия не имел, кто я такая.

В Стэнфорде было полным-полно таких, как я. Я купила себе контактные линзы. Я отрастила волосы до такой длины, чтобы можно было заплетать их в косы. Я хотела, чтобы меня заметили, и если мне не досталась в соседки по комнате высокая спортивная блондинка, я не собиралась позволить той, которая мне досталась, встать у меня на пути.

В свою защиту скажу, что я старалась не быть с Винни гадкой. Я скрывала своё раздражение и отвечала на её бесконечные вопросы – в основном стандартные, типа где взять студенческое удостоверение, какой пароль от общей почты. Но помимо этого, у неё была отвратительная привычка путать меня со своим карманным словарём. Она поминутно спрашивала, что значит то или иное непонятное ей слово, вроде *двойственность*, *соответствие*, *тщеславие*.

С учётом того, что большая часть нашего общения в колледже сводилась к её просьбам о помощи, мне, наверное, не стоило очень уж удивляться тому, что она и теперь попросила помочь с операцией её друга.

Остаток дня она осыпала меня комплиментами, говорила, например: *не удивлена, что у тебя такой талантливый и такой красивый муж. И: всегда знала, что у европейцев и*

азиатов получают самые чудесные дети. И: из всех девочек в колледже я больше всех завидовала тебе. Растаяв от её лести, я не сразу поняла, что уже попала на крючок, с самого начала, ещё когда совершенно её недооценила.

Винни изображала интерес к истории нашего с Оли знакомства, когда воздух пронзил крик, который я ни с чем не спутаю. Я повернулась на этот крик, вслед за мной Винни и другие посетители. На тротуаре у кофейни лежал на спине мой Анри с красным от ярости лицом. Рядом с ним на корточках сидела Мария, храни её Господь, и что-то пыталась ему втолковать со спокойной решимостью во взгляде.

На долю секунды мне захотелось сделать вид, что я тут вообще ни при чём (и прежде чем вы обвините меня в бессердечности, детектив, хочу заметить, что его истерики не прекращались почти никогда). Двое мужчин в стильных очках, сидевшие за соседним столиком, обменялись ухмылками, и я, объяснив Винни, что этот визжащий ребёнок – мой, выбежала за дверь.

Что случилось, спросила я Марию, склонившись над сыном, бешено дрыгавшим ногами. Он приоткрыл один глаз, увидел, что это я, и продолжил завывать.

Мария вздохнула. Ничего, как обычно, бедняжечка.

Я погладила потные волосы Анри. Ну, булочка моя, что такое? Расскажи маме, что не так.

Но рассказать он не мог, и в этом был корень всех наших проблем. В возрасте двух лет он был вдумчивым и глубоко-

мысленным человеком. Больше всего на свете он стремился передать свои чувства, для описания которых у него не было языка, и кого из нас это бы не расстроило? Так что ему приходилось раздражаться истерикой по самым безобидным причинам: посадили в коляску, вытащили из коляски, схватили за руку, чтобы перевести через дорогу, вытерли полотенцем после купания. Что угодно могло вывести его из себя. В первые несколько лет жизни он так много орал, что постоянно хрипел. Нет, нет, мой ребёнок полностью здоров. Сейчас он чувствует и ведёт себя намного лучше, пусть даже его голос по-прежнему как у маленького Рода Стюарта.² Это даже довольно мило, правда.

Но в тот день мой сын продолжал визжать, пока мы с Марией повторяли весь наш репертуар трюков: гладили ему животик, потирали макушку, щекотали предплечья, сводили и разводили ноги. Женщина, выгуливающая золотистого ретривера, сочувственно закудаhtала. Няня велела паре мальчиков-близнецов перестать пялиться.

Единственное, что можно было сделать – сесть на корточки и ждать, издавая успокаивающие звуки, которые воспринимались им как белый шум. Какое-то время спустя Анри устал. Его пинки стали менее неистовыми, мышцы лица ослабли. Я протянула руку и пощекотала ему живот, чего иногда было достаточно, чтобы помочь ему окончательно-

² Британский певец (род. 1945), занимает 32-е место в списке ста величайших певцов по версии журнала G.

но расслабиться. Но не в этот раз. В тот момент, когда мой палец коснулся его мягкого животика, его челюсть отвисла, и он издал душераздирающий крик. Плач снова разразился в полную силу. Я вновь села на корточки и уже собиралась сказать Марии, чтобы она подняла его с тротуара и, как может, тащила домой.

Но тихий, тёплый голос за моей спиной запел китайскую детскую песенку. *Льенг жи лао ху, льенг жи лао ху, пао де куэй, пао де куэй.*

Обернувшись, я увидела, что Винни стоит, согнувшись, положив руки на колени, и сосредоточенно напевает о двух тиграх, одном без глаз, а другом без хвоста. *Джен цси квай, джен цси квай.* Я узнала мелодию – мы это пели в начальной школе на уроках китайского.

Плач внезапно прекратился. Не переставая петь, Винни отцепила пушистый серый брелок с ручки «Биркин». Не давай ему, он тебе не вернёт, выдохнула я. Но она протянула меховой клубок Анри.

Надеюсь, это не настоящая норка, пробормотала я. Анри сжал шарик и пискнул от удовольствия. Густая струя слюны упала на мягкий мех.

О Господи, воскликнула я. Винни рассмеялась и потрепала Анри по голове, и тот сладко заурчал.

Это тётя Винни, сказала я. Скажешь ей спасибо?

Он вытер мехом слюнявые губы.

Я объяснила Винни, что, хотя он всё понимает, он пока не

говорит, и Оли объясняет эту небольшую задержку тем, что он станет билингвом.

Какой умный мальчик, сказала Винни.

Мне было стыдно возвращаться в кофейню, так что когда Мария каким-то чудом умудрилась без происшествий усадить Анри в коляску, я предложила пойти к нам.

У нас дома Винни тут же уселась за пианино и сыграла «Ты мигай, звезда ночная», напевая на китайском – *ей шань ей шань льянг джсинг джсинг* – и уча Анри показывать мигающие звёзды его пухлыми маленькими лапками.

У меня защипало в глазах. Прошло всего полгода, как не стало мамы. Она должна была научить Анри китайскому. Она растирала мне спину и говорила, что это нормально – устать так, чтобы вырубиться, когда чистишь зубы. Она отговаривала меня от того, чтобы посадить Анри на строгую диету из лосятины и оленины, когда я во всём винула гормоны и антибиотики.

Винни заметила слезу, бегущую по моей щеке, и убрала руки с клавиш.

Что случилось, Ава?

Анри подёргал себя за мочку уха, сигнализируя о начинавшем нарастать волнении. Ничего. Продолжай.

Она опустила руки на колени. Вопль Анри, начавшись с низкого грудного рычания, стал набирать силу, поднимаясь по шкале до полной полицейской сирены.

Мария, позвала я.

Няня выбежала из кухни, вытирая руки о джинсы, подхватила Анри и потащила в спальню. Я взяла салфетку и вытерла щеки.

Оли говорит, что это фаза.

Конечно, сказала Винни. Все малыши такие.

Я не хотела, чтобы она подумала, будто я плачу из-за сына, поэтому рассказала ей о маминой смерти. Она зажала рот рукой. Она помнила мою маму, которая как-то раз приезжала в Стэнфорд.

О, Ава, мне так жаль. Она, наверное, была такой чудесной бабушкой.

Я сказала ей, что первые три месяца жизни Анри она жила с нами в одной комнате. Она просыпалась каждый раз, когда нужно было его кормить, меняла бесчисленное количество подгузников, обещала мне, что когда-нибудь он перестанет плакать. Она упала замертво – по-другому это не описать – на беговой дорожке в спортивном зале. Внезапная остановка сердца. Шестьдесят девять лет, худая, как гончая, и даже простудой почти не болела.

Вопли сына сменились прерывистыми рыданиями. Норковый брелок Винни лежал на ковре, серый и мокрый, как подарок от кошки. Наклонившись, чтобы поднять его, я заметила выбитое на металлическом зажиме слово FENDI.

Вот блин, сказала я.

Ничего страшного. Оставь себе, пусть Анри играет.

Как только она ушла, я стала искать в Интернете такой же

брелок, чтобы возместить ущерб. И угадайте, сколько он стоил? Шестьсот баксов. Само собой, я решила ничего не компенсировать. В следующий раз, когда у Анри случился приступ, я помахала обслюнявленным шариком перед его лицом. Он рассердился, оттолкнул брелок и продолжал кричать.

После этого Винни давала мне знать всякий раз, когда приезжала в Сан-Франциско из Лос-Анджелеса. По ее словам, она регулярно приезжала сюда по работе, поэтому часто останавливалась в отеле «Сент Реджис» в центре города. Я была впечатлена. В последний раз, когда я смотрела, сколько там стоят номера, они стоили семьсот баксов за ночь.

Учитывая всё, что я сказала до этого, вы, должно быть, задаётесь вопросом, почему на этот раз я так охотно с ней подружилась. Что ж, признаюсь – сначала я была ослеплена её богатством и красотой, её чрезвычайной самоуверенностью. Я полагаю, что в каком-то смысле я так и не выросла из студенческих штанишек и по-прежнему хваталась за крутых друзей, как за спасательные круги.

Но была и более глубокая причина. Она заключалась в том, что никто, кроме моей мамы, не мог успокоить Анри, и я была в отчаянии. Сын по-прежнему просыпался каждые три часа или около того, а это означало, что я уже два года не могла позволить себе целую ночь спокойного сна.

Днями напролёт я пялилась в экран ноутбука, изучая специальные диеты для подавления истерик, пока решительная

Мария возила Анри с терапии сказками на уроки музыки и в парк. На той неделе, когда позвонила Винни, мне прислали восемь фунтов бизоньего мяса из Висконсина, и все они были спрятаны в потайной морозильной камере в гараже, потому что Оли питал особое презрение к лженауке о питании. И правильно! Я думаю, мы все согласимся, что моё поведение было неуравновешенным.

О, и кстати об Оли – я говорила, что он правильно сделал, когда перешёл из университета Калифорнии в Стэнфорд? Несомненно, звёздный шаг в карьере, но к тому же бесконечно долгая поездка на работу вдобавок к бесконечно долгому рабочему дню, а это означало, что Оли не успевал вернуться домой к тому времени, когда Анри надо было укладывать спать.

Так что, как и всякая перегруженная молодая мама, я была благодарна Винни за помощь.

Оли был рад услышать, что Анри полюбил мою бывшую соседку по комнате, но, как и вы, немало удивился, что мы так резко сдружились. Единственное, что я рассказывала ему о Винни, – историю скандала с академическими тестами. Полагаю, вы уже в курсе?

Нет? Что, вообще нет? Ясно. Да, наверное, это логично. Вряд ли Стэнфорд очень уж распространялся.

Это было в двухтысячном году и мало чем отличалось от недавнего инцидента с теми голливудскими воротилами, которые подделывали результаты академических оценочных

тестов, чтобы отправить своих детей в лучшие высшие учебные заведения, за исключением того, что в том случае преступниками были граждане Китая. По сообщениям прессы, правоохранительные органы США обнаружили пекинскую компанию, которая нанимала опытных доверенных лиц – в основном китайских аспирантов и студентов – для сдачи тестов, вооружала их поддельными паспортами и отправляла на сдачу вступительных экзаменов вместо богатых абитуриентов-китайцев. Правоохранительные органы конфисковали документы компаний и обнародовали информацию, а университеты быстро отреагировали. Трёх китайских студентов исключили из Гарварда, одного из Йельского университета, двоих из Массачусетского технологического института, ещё нескольких из Пенна, Колумбийского и Корнеллского университетов. И клянусь вам, никто не писал статьи в защиту этих ребят, изображая их невинными жертвами, которые не должны нести ответственность за преступления своих родителей. Нет, когда дело дошло до иностранных студентов, всеобщим желанием было выгнать этих негодных китайских мошенников из наших колледжей!

Я помню, как стояла у фонтана на Уайт-Плаза с ребятами с семинара и корпела над свежими номерами «Стэнфорд Дейли», а потом вернулась в свою комнату и обнаружила Винни в слезах, беспорядочно кидавшую свитера и футболки в свои розовые чемоданы. Она сказала мне, что у её отца был инсульт. В тот вечер ей надо было улетать, а на сле-

дующей неделе начинались экзамены. Я сказала ей, что мне очень жаль, и свернула свой номер «Дейли» плотным квадратом.

Ты же сказала методисту? – спросила я. Собрав носки в охапку, она ответила: сейчас я не в силах об этом думать.

Я предложила сама оповестить её преподавателей, и она улыбнулась сквозь слёзы и поблагодарила меня.

В день последнего экзамена я получила письмо от Винни. Её тетя прилетала из Вирджинии, чтобы помочь ей собрать остальные вещи. Винни уходила из колледжа. Она не объяснила, почему.

Само собой, весь колледж считал, что Винни мошенница, что за неё сдал экзамены кто-то другой. Джоанна Трэн и Карла Коэн, с которыми я дружу до сих пор, только и говорили что о грамматике Винни, бесконечно далёкой от совершенства. Она путала мужской и женский род, настоящее и прошедшее время, забывала об окончаниях глаголов. Очевидно, она не могла сдать даже устные оценочные тесты, не говоря уже о том, чтобы написать сложное сочинение. Девчонки восприняли поступок Винни как личное оскорбление. Джоанна стучала кулаком по хлипкой стене общежития, возмущаясь, что ей пришлось трижды пересдавать экзамен, чтобы набрать нужный балл, а дети богачей просто отстёгивали деньги и всё.

Я тоже не сомневалась, что Винни мошенница и что она выдумала папин инсульт. Но я не злилась. Если я что и чув-

ствовала по отношению к ней, то только жалость. Может быть, потому что я видела, как она старалась; может быть, потому что я знала, что она вовсе не из богатой семьи. Её родители не были высокопоставленными чиновниками, как предки гарвардской золотой молодёжи. Её отец был директором средней школы, мама – секретаршей. Она смогла оплачивать учёбу только потому, что выиграла государственную стипендию, а тётя из Вирджинии присылала ежемесячные чеки. При этом она по вечерам продавала кофе в киоске напротив библиотеки, по выходным подрабатывала няней и репетитором. Она выбирала курсы лекций, исходя из количества необходимых книг, по возможности записывалась на те же курсы, что и я, чтобы брать книги у меня. Она ставила себе будильник на какую-то несусветную рань и к тому времени, как я просыпалась, уже доделывала домашнюю работу, чтобы я спокойно читала книги и не злилась на неё.

На следующий день после того, как я получила письмо от Винни, пока Карла, Джоанна и остальные праздновали конец учёбы, я стащила несколько коробок из мусорного бака за книжным магазином и упаковала оставшиеся вещи Винни. Когда её тетя и дядя появились у нашей двери, они были ошеломлены тем, что я сделала. В знак благодарности они пригласили меня на ужин. Винни меня так и не поблагодарила. Вне всякого сомнения, у нее было слишком много других забот.

Говорила ли я с Винни по поводу экзаменов? Нет, не вижу

смысла. Зачем поднимать эту тему спустя столько времени? Она заплатила за свое преступление тем, что ей пришлось оставить колледж, чего нельзя сказать о голливудских мальчишках.

2

Вскоре Винни стала неотъемлемой частью нашей семьи. Каждый раз она приходила как раз вовремя. Не знаю, как ей удавалось угадывать, когда всё окончательно выходило из-под контроля, и появляться с ласковыми словами, тёплыми объятиями, подарками для Анри.

Как-то она принесла в сумке (другой роскошной «Биркин», на этот раз переливчато-синей) книгу китайских сказок с великолепными иллюстрациями. Честно скажу, что не узнала мальчика, который забрался к ней на колени, чтобы послушать историю о пастухе и ткачихе. Эту историю о двух влюблённых, которых разделяла небесная река (Млечный путь, на случай, если вам интересно), в детстве рассказывала мне мама, и она была невероятно длинной и запутанной для ребёнка возраста Анри.

Какое-то время внимательно послушав, он вскоре заскучал и сжал уголок страницы. Но Винни отреагировала молниеносно, и, прежде чем он успел дёрнуть страницу на себя, поймала его кулачок и строго сказала по-китайски: нет. Я выпрямилась, готовая метнуться к сыну и начать успокаивать истерику, но случилось чудо: вместо того, чтобы, как обычно, взвыть, он улыбнулся от уха до уха, спрыгнул с колен Винни и побежал к пианино. Плюхнувшись на кожаную скамью, он замолотил по ней кулачками, умоляюще глядя на

нас, отчего мы все расхохотались. Мария пробормотала, что он, наверное, вырастет пианистом, и я расчувствовалась и сжала её руку. Это была не такая уж глупая фантазия – Оли в юности считался музыкально одарённым.

Остаток дня мы провели, распевая детские песенки, сперва на английском, потом на китайском, а потом Мария научила нас нескольким на испанском. Анри радостно притопывал ногами и покачивался туда-сюда от наплыва чувств. Я была в самом разгаре выбора детского сада – вы ведь знаете, как трудно записать ребёнка в хороший детский сад, правда, детектив? В Лигу Плюща попасть и то проще? – и когда Анри подошёл к Винни, положил голову ей на колени и безмятежно вздохнул, я впервые смогла представить, как он проведёт без нас целый день.

Эту идиллическую сцену и узрел Оли, вернувшись домой на целый час раньше, чем обычно. В кои-то веки он смог быстро справиться с делами и тут же помчался домой, чтобы удивить меня и пригласить на ужин.

Я познакомила их с Винни. Она сжала его руку обеими ладонями и поблагодарила, что согласился помочь её другу. Он добродушно похлопал её по плечу и сказал, что только рад.

Быстро собрав вещи, она направилась к двери, не желая мешать нашему семейному отдыху, но едва она обулась, Анри расплакался. Он неуклюже подбежал к ней, прижался к её ноге. Я попыталась его оторвать, объяснить, что тёте Вин-

ни пора к себе, что ей нужно работать, что она скоро придёт. В ответ Анри выдал такой оглушительный вопль, что Оли предложил: Винни, может, составишь нам компанию? Мы просто идём в ближайшую пиццерию.

Какое-то время она помялась, ожидая, что скажу я, но я уже так давно куда-то не выбиралась с мужем, что меня разрывало на части. Вой Анри поднялся до предела, Оли вновь повторил предложение. Ладно, сказала она, если только я не помешаю.

Нет, конечно, наконец ответила я.

Ужин прошёл настолько гладко, насколько может пройти ужин в компании двухлетнего малыша. Анри сидел рядом с Винни и выражал свою радость тем, что старательно портил меню зелёным и малиновым карандашами, а потом подарил ей свой шедевр. Мы наслаждались пиццей, обжигая нёбо пузырящейся моцареллой, а когда Анри занервничал, я предложила ему айпад и наушники.

Лишь когда наши тарелки опустели, стаканы с водой в последний раз наполнились, а рядом с локтем Оли положили чек, мой супруг вытер салфеткой рот, откашлялся и сообщил нам такую неблагоприятную информацию. Иногда я думаю: может быть, он специально так всё подстроил, чтобы Винни отправилась ужинать с нами, и мне пришлось бы сделать над собой усилие и не выдать свою реакцию?

До этого момента наш разговор был безобидным. С темы роста цен на жильё мы перешли к теме пробок, и Оли, ко-

нечно, не мог не пожаловаться на свой ужасный путь до работы. А знаете, сказал он, кажется, я нашёл решение.

Вот как? – спросила Винни.

Вот как? – спросила я.

И тут выяснилось, что коллега Оли предложил ему снять небольшую квартирку на Калифорния-авеню, в десяти минутах от больницы. Квартирка пустовала уже несколько месяцев, так что коллега давал хорошую скидку.

Я растянула рот в улыбке, от которой заболели уголки рта. Ты что же, будешь жить в Пало-Альто?

Калифорния-авеню – красивая улица, сказала Винни.

Оли отвёл взгляд. Я подумал, можно же попробовать. Хотя бы в эту неделю. И когда я буду работать по выходным.

Разумное решение, сказала Винни. Там ведь та классная пиццерия с очень длинными очередями?

«Джоаниз», ответил Оли, но я слышал, что не такая она уже и классная.

Разумное решение? – спросила я, по-прежнему ухмыляясь, как шут. Бросить жену одну с беспокойным двухлеткой?

Медленно и спокойно, будто делал выговор этому самому двухлетке, Оли сказал мне: не надо, Ава. Мы ведь всё обсудили до того, как я решил сменить работу.

Мы обсуждали переезд *всей семьёй*.

Да, а до этого что я должен делать?

А до этого ты должен идти на определённые жертвы, потому что так лучше *для всей семьи*.

Выражение его лица стало жалобным. Тогда зачем ты уговорила меня согласиться на эту работу?

Я повернулась к нему лицом, чтобы он видел мой взгляд. Потому что это работа твоей мечты. Потому что так и поступают хорошие супруги – поддерживают друг друга, помогают добиться успеха.

Я говорил, что меня и та работа вполне устраивала. Я был счастлив.

Я сняла с колен салфетку и бросила на стол. Винни вдохнула поглубже. Даже Анри оторвался от айфона. Слишком большие наушники свисали до его подбородка, как уши Снупи.

Ладно, сказала я, поговорим об этом дома. Отодвинула стул, намеренно постаравшись, чтобы его ножки как следует проехали по полу, и насладившись оглушительным визгом.

Оли бросил на стол пачку двадцаток, ловко оттолкнув руку Винни, когда та попыталась добавить к этой стопке из своего кошелька. Без предупреждения сдёрнул Анри с высокого стула, и тот моментально заревел.

Возле пиццерии Винни погладила Анри по щеке, вызвав у него унылый стон. Остановила такси, стоявшее поблизости, и, обняв меня, сжала мои плечи и прошептала прямо на ухо: Звони.

Моё лицо обдало жаром. Я не могла поверить, что позволила ей лицезреть всю эту сцену. Как только она ушла, я на-

бросилась на Оли. Зачем ему было устраивать такое на глазах у моей подруги? Как он мог меня так унижить?

Он фыркнул. Я и подумать не мог, что ты так разозлишься.

Я развернулась и пошла обратно к дому, предоставив ему тащить Анри, коляску и сумку с игрушками.

Я знаю, что вы хотите сказать, детектив. Что мешало мне просто собрать вещи и переехать на полуостров вместе с мужем? Сейчас ведь я именно это и собираюсь сделать.

Одна важная причина – Мария. Мы сменили трёх нянь, прежде чем нашли её, и я знаю, что это избитое клише, но она и впрямь была частью семьи. За всё то время, что она была с нами, она только один раз заболела – ужасный случай пищевого отравления, – и я никогда не забуду, как расстроился Анри, услышав, что она не придёт. Он плакал так сильно, что у него началась гипервентиляция, его маленькая грудь гудела, как меха аккордеона. Я не могла его утихомирить. Я кричала Оли в трубку, что наш сын никак не успокоится, что у него посинели губы, он сейчас потеряет сознание. Раздражающе спокойный, Оли велел мне не паниковать и звонить в 911, если он через минуту не придёт в себя. Анри как раз через минуту и очнулся, но мой ужас был еще достаточно свеж, чтобы при одном только воспоминании о том случае мой пульс начинал учащённо биться.

Мария стала мне родственницей. Она была со мной в тот день, когда папа сообщил мне, что мамы больше нет. Я не

могла разобрать, что он пытается сказать сквозь рыдания. Он повторил, что она умерла, и резко сбросил звонок, чтобы связаться с моим братом. Войдя в кухню, Мария увидела, что я стою у раковины, кран открыт на полную мощность, и вода хлещет по ситу с клубникой, которое я сжимаю в руках. Я спросила её, может такое быть, чтобы я ослышалась. Она крепко обняла меня сильными жилистыми руками, уложила в постель и строго сказала, что для меня сейчас главное – пережить горе, а об остальном позаботится она. Несколько часов спустя, выглянув в окно, я увидела, что она стоит на коленях рядом с Анри и они, соприкасаясь головами, запускают в небо жёлтый воздушный шарик.

Второй причиной, мешавшей мне сделать этот шаг, стала моя глупая гордость. Здесь, в Сан-Франциско, в окружении бывших коллег, я была юристом в длительном декретном отпуске, даже в творческом отпуске – понятие, которое в последнее время вышло за пределы академических кругов и проникло в корпоративную жизнь. В последние пару лет мои знакомые всё чаще брали оплачиваемые отпуска и путешествовали по миру, работали волонтерами в заповедниках, медитировали в ашрамах. Здесь, в Сан-Франциско, я могла сказать себе, что не так уж отличаюсь от них.

Однако с тех пор, как не стало мамы, я все больше убеждалась, что никогда не смогу вернуться к налоговому законодательству и тирании оплачиваемых часов. Эта мысль так меня пугала, что я никому об этом не говорила. Понимаете

ли, в моей семье всего несколько профессий считались приемлемыми – юриспруденция, медицина, инженерное дело. Я выбрала первую, потому что она раздражала меня меньше всего. Так что я с самого детства знала своё предназначение в жизни: хорошо выполнять свою работу и терпеть её до пенсии.

Это вам, наверное, кажется глупым, детектив? Вы мечтали работать в правоохранительных органах, ещё когда были маленькой девочкой? А, ваш отец был детективом. Уверена, он сказал вам, что вы можете быть кем угодно, независимо от пола.

Боюсь, я не могу понять этот уровень свободы. Даже в тридцать семь лет я по-прежнему думаю о том, что сказала бы моя бедная мать, если бы узнала, что я решила стать тренером по йоге, дизайнером интерьеров или пекарем – не то чтобы я мечтала об одной из этих профессий, но это лишь подчёркивало нелепость моего кризиса. Кажется, я больше не хотела заниматься вообще ничем!

Так что я сказала Оли? Ничего. Больше всего я боялась его неодобрения.

Расскажу вам историю, которая, может быть, объяснит, что я имею в виду. Сразу после окончания юридического факультета Беркли я устроилась в крупную фирму и целый год работала практически только с одним ужасным партнёром. Его звали Винс Гарибальди. Громкий, потный, безжалостный, мелкий тиран, швырявший на пол стеклянные пресс-

папье и называвший нас ублюдками, стоило нам накосячить. Я постоянно боялась, что меня уволят.

Когда он не орал на нас, Гарибальди жаловался на свою бывшую жену. Как и он, она была успешным адвокатом, но уволилась, когда у них родился третий ребенок, и это, как он утверждал, стало началом конца. Она превратилась из яркой, уверенной в себе, любознательной женщины в замкнутую и скучную. Она не могла поддерживать разговор, который не вращался вокруг того, что говорили и делали дети.

Не будь он моим начальником, я сказала бы ему, что надо было подумать об этом, прежде чем заводить столько детей. Но в то же время я, увы, понимала, откуда растут ноги. В то время мы с Оли только начали встречаться, и мне нравилось, что мы так друг другу подходим во всех отношениях: одинаково прекрасное образование, одинаково престижная работа. Мы были как силовая пара на тренировке. На праздничной вечеринке его факультета, когда его наставник спросил, как мы справляемся с изнурительным графиком Оли, он ухмыльнулся и сказал: у Авы график ещё хуже, чем у меня.

Что бы подумал Оли, если бы я отказалась от своей карьеры, чтобы, ну, не знаю, писать кулинарные книги? Последовать за мужем на Полуостров значило сделать ещё один опасный шаг к тому, чтобы стать нудной домоседкой.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я вижу, что многое понимала неправильно, вижу все мои предвзятые представления и ошибочные предположения. Да, Мария – великолепно

ная няня, в высшей степени компетентная и заботливая, но я была настолько убеждена в своей никчёмности как матери, что поставила ее на пьедестал, уверенная, что лишь она одна сможет обеспечить благополучие моего сына.

И так же, как я недооценивала себя, я недооценивала своего мужа. Он хотел, чтобы я стал успешным и авторитетным юристом, потому что я сама всегда говорила, что хочу именно этого. Как вы знаете, с тех пор я рассказала ему обо всем, *вообще обо всем*, и хотя ему потребуется время, чтобы все это переварить, одно я знаю точно: то, куда мы будем двигаться дальше, вообще не зависит от того, продолжу я работать юристом или нет.

Но я отвлеклась. Хватит обо мне. Мы ведь здесь, чтобы говорить о Винни.

Хотя Винни и настаивала, я не стала ей звонить после того унижительного ужина. Я просто погрязла в своих страданиях и воображала всё более ужасающие сценарии. Моё воображение вышло из-под контроля. Дошло до мыслей, что Оли завёл роман с какой-нибудь молоденькой медсестричкой – иначе чем объяснить, что он вообще по мне не скучает.

Я старалась сохранить лицо. Я занялась подготовкой заявлений в детский сад, крайний срок подачи которых был на этой неделе. Снова и снова я объясняла, почему именно этот детский сад – лучший выбор для моего ребёнка (и вы не хуже меня знаете ответ – потому что он находится в шаговой доступности от нашего дома). Я излагала свою философию воспитания, подробно рассказывала о своих надеждах и мечтах относительно образования сына, о его выдающихся качествах. *Поклонник классической фортепианной музыки. Восторженный, но тактичный друг соседских собак.*

По ночам я втискивалась в новую кровать Анри, потому что это был единственный вариант унять его плач из-за папы – и потому что, если уж совсем честно, мне так тоже было легче. Бесчисленное число раз я набирала одно и то же сообщение Карле и Джоанне, но так и не решилась его отправить. Даже печатать слова «мне кажется, Оли меня бросил» казалось опасным, как будто, напечатанные, они тут же во-

плотились бы в реальность. Короче говоря, я была в полнейшем раздрае.

Именно этот момент моей наибольшей уязвимости показался Винни идеальной возможностью для бизнеса. До этого её главной целью было заручиться помощью Оли в плане операции её больного друга, Босса Мака (да, его все так называют). Однако теперь, почувствовав, что она может воспользоваться моим хрупким положением (и моим знанием налогового законодательства), она расширила амбиции, чтобы завербовать меня в свои ряды.

В то серое январское утро она позвонила узнать, как я держусь.

Нет, правда, как ты? – спросила она, и в её голосе звучало искреннее сочувствие.

Изношенный шнур внутри меня оборвался. Из глаз хлынули слёзы.

Ава, тихо позвала она. Ты тут?

Да, с трудом выдавила я. Один-единственный слог дался мне так тяжело, что я потеряла всякую надежду её одурачить.

Всё в порядке?

Нет.

Какое-то время она молча слушала, как я глотаю воздух, пытаюсь собраться с духом, а потом сказала: ему будет так плохо одному, что это и месяца не продлится.

Почему-то это меня рассмешило. Я сказала: он заключил

договор на полгода.

Неважно. Я всё равно уверена, больше двух недель он не протянет. Мужчины без нас ничего не могут.

Он тратит деньги, которых и так нет.

Повисшее молчание сказало мне, что мои слова её удивили. Трансплантология – одна из самых высокооплачиваемых медицинских специальностей. Но мы выплачивали кредиты на аспирантуру, платили ипотеку, платили Марии.

Но что я могу сказать? – добавила я. Я ведь сейчас не получаю ни пенни.

Вот тогда-то, думаю, Винни и увидела цель. Она заявила, что мы идём ужинать. Я, разумеется, ответила, что не в настроении, но она и слушать не стала.

Ресторан «Ротонда» на последнем этаже «Нейман Маркус» был битком набит молодёжью в дизайнерских кроссовках, забаррикадированной за сумками с покупками, и праздными дамами, рассматривавшими свой макияж в зеркальцах позолоченных пудрениц. Винни ещё не пришла. Я сидела за маленьким круглым столом рядом с блондинкой, которой, должно быть, перевалило за восемьдесят. Стильный платиновый боб, густой макияж и костюм от Шанель из грубого твида не могли скрыть её возраст. Она сидела одна перед тарелкой сыра и бокалом мартини, и все рослые загорелые официанты обращались к ней по имени. По тому, как она флиртовала с ними, я поняла, что когда-то она была красавицей. Я заворуженно смотрела, как она отрезала неболь-

шой квадратик сельдерея, макнула его в формочку с заправкой и стала жевать с таким видом, словно это было филе-мильон.

Наконец явилась Винни. В одной руке она держала синюю «Биркин», а в другой серебряный пакет. Я тут кое-что должна вернуть, сказала она. Мы грызли воздушный хлеб и ждали, пока нам принесут салаты. Отхлебнув глоток ледяной воды, Винни сказала: сохранять независимость в браке – очень даже неплохо.

Я ответила, взясь с тяжёлыми столовыми приборами: но не когда она распространяется лишь на одного.

У тебя есть свой счёт в банке? – тихо спросила она.

Мои пальцы непроизвольно дёрнулись, нож звякнул о тарелку для хлеба.

Что? Мы далеки от этой точки.

Ну да, быстро сказала она. Конечно, нет.

Принесли салаты, и я сменила тему. Что ты хочешь вернуть?

А, ты об этом, сказала она, взглянув на свой пакет. Сумочку «Селин», которая мне не особо нужна.

Я тихонько присвистнула и призналась, что никогда не понимала привлекательности таких дорогих сумочек.

Это пустая трата денег, жизнерадостно согласилась она. С тех пор, как глобальные конгломераты скупили дизайнерские бренды, цены растут, а качество резко падает.

Так почему же люди продолжают за них платить?

По той же причине, по которой твои родители раскошались на Стэнфорд, вместо чтобы отправить тебя в государственный колледж.

Нет, сказала я, позволю не согласиться. Моё образование привело меня в ведущий юридический университет, а затем в ведущую фирму.

Она любезно воздержалась от замечания, как давно я не занималась юридической практикой. Дело в том, сказала она, что всё это – символы статуса. Гарвардская степень не так уж отличается от дизайнерской сумки. То и другое показывает, что ты член определённого клуба, и открывает тебе двери в общество.

Хочешь сказать, нас всех обдирают?

Она пожала плечами. Некоторые люди просто любят клубы. Она подняла блестящий пакет. Но я? Я возвращаю сумку и занимаю свою позицию.

Я сложила руки в рупор и нацелила его на просторный зал. Внимание, внимание, покупатели «Нейман Маркус», вас всех надувают, сказала я в этот рупор, а Винни шутливо закатила глаза.

Когда принесли чек, она тут же его перехватила. Я слишком громко возмутилась: не глупи. Могу же я себе позволить чёртов салат.

Женщина за соседним столиком посмотрела на нас из-под бокала мартини. Наслаждаетесь ужином? – игриво спросила Винни.

Да, ответила женщина. Я прихожу сюда каждый вторник последние пятнадцать лет, – она попыталась улыбнуться, но мышцы лица, парализованные пластикой, позволили ей только гримасу. Я видела вас тут прежде, сказала она Винни. Вы тоже регулярно сюда приходите?

Нет, ответила Винни, я не живу в Сан-Франциско.

Тогда, значит, я вас перепутала с кем-то другим. Тут так много ориенталов, и все они тратят, тратят, тратят, – она многозначительно посмотрела на «Биркин» Винни.

Я испуганно вжалась в банкетку, но Винни ничем не выдала своих чувств. Она допила эспрессо и сказала: нас больше миллиарда. Мы повсюду. Хорошего дня.

Когда мы выходили из ресторана, я покачала головой, всё ещё ошарашенная. Старые люди – расисты, сказала Винни. Мои родители постоянно несут такую же дичь, а она намного старше них.

От её великодушия всё во мне вскипело. Мне внезапно стало очень важно, чтобы она приняла мою сторону. Это слово, которое она употребила, сказала я, – ему нет оправдания. Мы что, ковры или кошки? И какое право она имеет судить, на что ты тратишь деньги? Она ничего о тебе не знает.

Винни рассмеялась. Вы, американцы азиатского происхождения, такие чувствительные! Мы, китайцы, знаем, что мир смотрит на нас свысока, но нам плевать! Нувориши третьего поколения уже не считаются нуворишами, разве ты не знала?

Она сошла с эскалатора и направилась к отделу сумок. Остановившись у кассы, поставила пакет на стеклянную столешницу, и к ней поспешила миниатюрная белая продавщица с короткой стрижкой и малиновыми губами. Миссис Люис, вы вернулись в город?

Очевидно, она спутала Винни с другой богатой китайской, но вместо того, чтобы её поправить, Винни сказала: добрый день, Дейдре! Я так и знала, что сегодня будете вы! Вынув из пакета четырёхугольник, завёрнутый в серо-коричневый мешочек, она сказала: свекровь считает, цвет слишком яркий. Она не настолько смелая.

Я недоумённо посмотрела на Винни. Она развелась сто лет назад и ни разу не упоминала о бывшем муже, не говоря уже о бывшей свекрови. Неужели они продолжают общаться? И насколько они близки, что Винни дарит ей такие дорогие вещи? Выражение её лица не сказало мне ничего.

Внутри мешочка обнаружилась небольшая квадратная сумочка – сумка для багажа, как я потом узнала – королевского синего цвета, такого яркого и насыщенного, что смотреть на неё было всё равно что таращиться на единственный продукт «Техниколора» среди чёрно-белого мира. Винни положила на прилавок чек, и я прищурилась, чтобы рассмотреть цифры. Три тысячи сто сорок шесть долларов.

Ах, как жалко, сказала продавщица. Но мы понимали, что это риск.

Я пыталась её убедить, сказала Винни, воздев руки к по-

толку. Может, рискнём ещё раз и обменяем на чёрную?

О боже, воскликнула Дейдре, я разве вам не говорила? У нас больше нет этих сумок в чёрном цвете, мы все распродали.

О нет, прошептала Винни. Мне так жаль.

Это я виновата.

Я вглядывалась в лицо подруги, пытаюсь понять хоть что-то из этого разговора, принимавшего всё более неожиданный поворот.

Ну, сказала Винни, я так понимаю, мне придётся её вернуть.

Хорошо, моя дорогая. Дейдре быстро вбила сумму в кассовый аппарат и отсканировала штрих-код на бирке. Сумма пришла на ваш счёт.

Спасибо, сказала Винни, похлопав продавщицу по загорелой руке.

Приходите к нам снова.

Винни повернулась и направилась к боковому выходу. Я последовала за неё.

Льюис? – спросила я.

Пока да, ответила она.

Ты что, правда покупаешь бывшей свекрови такие подарки?

Лучше иметь наготове историю.

Лучше для чего? О чём ты говоришь?

На тротуаре Винни остановилась и прислонилась к стене,

потянув меня за собой. Когда она заговорила, её голос был таким тихим, что шум машин едва совсем его не заглушил. Я наклонялась к ней, пока мои волосы не коснулись её губ.

Помнишь, я тебе говорила, что занимаюсь производством сумок?

Я кивнула.

Я работаю с определённым видом сумок. Копиями дизайнерских.

Что это значит? Подделки?

Она жестом велела мне молчать и приподняла свою «Биркин».

Как думаешь, сколько это стоит?

Две азиатских девочки-подростка замедлили шаг и беззастенчиво уставились на сумку. Винни взяла меня за руку и потащила за угол в маленькую грязную кофейню.

Так сколько? – вновь спросила она, сев за стол, заляпанный жиром, как можно дальше от единственного посетителя, пожилого мужчины в федоре, читавшего газету. Я назвала дико нелепую сумму. Ну не знаю, штук десять?

Если бы, сказала она, я бы купила её в магазине «Гермес» в соседнем квартале, она бы обошлась мне около двенадцати, включая налоги. И то если бы я чудом смогла их убедить продать мне эту сумку – в свободной продаже их никогда нет.

Тогда где ты её взяла?

Она улынулась, не показывая зубов, и позволила мне

провести пальцами по мягкой зернистой коже, блестящей золотой фурнитуре с надписью Hermès-Paris, штампу «Сделано во Франции», крошечному замку в виде буквы «Н». Она позволила мне рассмотреть каждую деталь, прежде чем ответить.

Это из Гуанчжоу, мировой столицы дизайнерских сумок.

Выглядит очень красиво, сказала я, хотя тогда понятия не имела, что смотрю на идеальную копию, просто один к одному. Не то что пять баллов, даже пять с плюсом. (Индустрия поддельных сумок и та страдает от завышения оценок). Но, спросила я, уже теряя терпение, какое это имеет отношение к «Нейман Маркус»?

И снова эта загадочная улыбка. А как ты думаешь?

Я думаю, ты импортируешь поддельные сумки из Китая и продаёшь их с накруткой.

Она презрительно хмыкнула. На такое способен любой Том, Дик и Анри. А где творчество? Где инновации?

Я не стала пытаться дальше. Так расскажи мне свою несравненную бизнес-стратегию.

Её глаза вспыхнули, как у моего сына, когда он намеревается сбросить на пол миску с овсянкой. Что я, по-твоему, там делала? Она указала пальцем в направлении магазина. Ты же вроде бы наблюдала за нами?

И до меня наконец дошло. Эта великолепная сумка королевского синего цвета была подделкой. Она принесла подделку в самый эксклюзивный магазин в мире и прикармани-

ла три тысячи с лишним долларов.

А с настоящей ты что сделала?

Продала на eBay на прошлой неделе.

Как я на это отреагировала? Я пришла в бешенство. Это ещё слабо сказано. Всё моё тело горело огнём. Из всех пор сочился пот. Я не могла смотреть в гладкое белое лицо Винни. Я внезапно поняла, как чувствовала себя Джоанна на первом курсе, когда молотила кулаком в стену и проклинала несправедливость этого всего.

Так это же обман, прошипела я наконец.

Винни была невозмутима. А продавать сумку в десять раз дороже, чем она стоит – не обман?

Нет, конечно. Никто не заставляет тебя под дулом пистолета её покупать.

А как насчёт того, чтобы сделать в Китае всю сумку, кроме ручки, а потом выбить на ручке надпись «Сделано в Италии»?

А это тут при чём?

Как насчёт того, чтобы заставлять рабочих часами корпеть над этими сумками и не отпускать даже в туалет? Выжимать из них каждый цент, а потом делать накрутку и продавать их труд за тысячи долларов?

Что ты этим пытаешься сказать? Многие люди совершают ужасные поступки. Но это не значит, что ты совершаешь хороший.

Я просто предлагаю не циклиться на определённых видах

махинаций, умышленно игнорируя другие виды.

Молодой человек в засаленном фартуке подошёл к нам и сказал: простите, но столики только для посетителей.

Я возьму двойной эспрессо, ответила Винни, а я ответила одновременно с ней: не волнуйтесь, я уже уйду. Он смущённо попятился.

Ава, не уходи, сказала Винни. Люксовые бренды – вот кто настоящий злодей. Мы на одной стороне. Она сжала мою руку, как сжимала руку той продавщицы, словно вычитала в каком-то руководстве, что уверенное прикосновение в нужный момент может ослабить решимость человека.

Ты отвратительна, сказала я, прежде чем выскочить за дверь.

Почему её признание так меня взбесило? Почему я пыталась с ней спорить? Мы только недавно возобновили дружбу, и она ничего мне не была должна. Но, пока я мчалась по тротуару, я продолжала прокручивать в голове этот разговор, и аргументы выстраивались один над другим, как блоки в Дженга³. И больше всего меня бесило её абсолютное бесстыдство, её уверенность в том, что я приму её точку зрения.

Оглядываясь назад, я понимаю, что и это было частью её стратегии: ничего не скрывая, она вынудила меня рассмотреть возможность того, что ей нечего скрывать.

³ Игра, участники которой по очереди достают блоки из основания деревянной башни и кладут их наверх, делая башню всё более высокой и всё менее устойчивой

В конце квартала я поймала такси. Надежно устроившись на заднем сиденье, я опустила голову и помассировала ноющие виски.

Не душно? – спросила водитель. В её изящном вздёрнутом носу блестело золотое кольцо.

Нормально.

Она увеличила громкость стереосистемы, и машина наполнилась поп-балладой десятилетней давности. Водитель подпевала приятным, хриплым голосом. *Истекаю тобой, истекаю, любовь*. Она посмотрела на меня в зеркало заднего вида. Мне нравится эта песня.

Мне всегда казалось, что она поёт «издыхаю тобой, издыхаю, любовь».

Издыхаю тобой? Но это же бессмыслица.

Я посмотрела в окно. Пожилая сутулая китайка медленно толкала тележку со сплюсненными картонными коробками к пешеходному переходу.

Полная, согласилась я. Полнейшая бессмыслица.

4

Мы с вами заключили сделку, и будьте уверены, детектив, я расскажу вам всё, что знаю. Но как бы вы ни перефразировали вопрос, мой ответ не изменится. Я понятия не имею, где она. Её аккаунт в ватсаппе и почта недоступны. Её номер телефона заблокирован. И, как я уже говорила, о соцсетях и речи нет – она охраняла свою личную жизнь, как Сфинкс. Думаю, она уехала в какую-то из стран, которые не выдают преступников США – в Марокко, в Индонезию или в Катар. Разве вы на её месте поступили бы иначе?

У Винни почти не было друзей ни здесь, ни дома, в Китае. У неё было много деловых партнеров и несколько бывших любовников, и, конечно же, у неё был Мак Ю Фай – Босс Мак, – который в разное время принадлежал ко всем трём этим категориям. Как вы, без сомнения, знаете, Босс Мак владеет одним из самых уважаемых предприятий по производству сумок во всём Гуандуне. Его качественные товары принесли ему контракты со всеми крупными дизайнерскими брендами, которые делают всё возможное, чтобы скрыть тот факт, что все их «Прада», «Гуччи» и «Луи Виттон» делаются в Китае (между прочим, этот обман тоже становится всё бессмысленнее – в Италии столько же потогонных мастерских, сколько в Китае самых современных производств.)

Винни рассказала мне, что совершенно случайно встре-

тила Босса Мака в Шэньчжэне, когда отдыхала в компании двоюродной сестры и её подруг. Это было три года назад, сразу после выборов шестнадцатого года, которые подтолкнули ее к мысли о возвращении в Китай. К тому времени она вышла замуж, получила грин-карту, развелась и поняла, что если она собирается жить под властью самодержца, то он должен быть по крайней мере её собственным.

После долгого дня, проведённого за покупками, Винни и её компания разорились на обед в ресторане одного из крупных международных отелей. Именно тогда туда заявился Босс Мак. Высокий и подтянутый, с пышными седыми волосами и ухоженными усами, в облегающем льняном костюме, он показался Винни очень элегантным. Ему было шестьдесят семь – как тогда моей матери. Теперь он стал старше неё на два года.

Босса Мака усадили за столик рядом с Винни и компанией, и он не стал возражать, хотя было видно, что у женщин буйное, праздничное настроение. Они разложили среди тарелок свои покупки: «Луи Виттон Неверфулл», «Гоярд» и «Шанель», всё, конечно, поддельное, в этом и состояла цель. Винни была единственной, кто ничего не купил. По её словам, она вообще пришла туда, только чтобы сбежать из родительской квартиры, где страдала клаустрофобией.

Она оказалась к Боссу Маку ближе всех, достаточно близко, чтобы наблюдать, как он умело владеет ножом и вилкой, как ловко нарезает свиную отбивную, как изящно жуёт

с закрытым ртом между глотками японского виски. Заметив, что она за ним наблюдает, он спросил, что она себе приобрела.

Ничего, сказала Винни. Она подняла купленную на распродаже сумку из прочного чёрного нейлона, которую всегда носила с собой, и добавила: сумка есть сумка.

Вот что я ещё скажу насчёт Винни: она не велась на шумиху. Ей было наплевать на моду и статус. Вступив в игру, она носила эти абсурдно дорогие сумки и роскошные драгоценности, как стюардесса покорно натягивает телесные чулки. Это была просто часть униформы, и Винни сделала бы всё, чтобы максимизировать прибыль. Исключительная сосредоточенность и прагматизм – вот что сделало её такой успешной.

В тот вечер в ресторане Босс Мак оплатил весь заказ Винни и её подруг. Одна из женщин объявила, что они идут в ближайший зал KTV, и пригласила его с собой. Он отказался, и Винни тоже, а её подруги, все замужние или помолвленные, обменялись понимающими улыбками и отправились без них. Босс Мак и Винни удалились в бар отеля, а оттуда в его номер.

Спустя три дня, когда она вернулась в Сямэнь, к её родителям приехал курьер с оранжевой сумкой для покупок, в которой мог поместиться щенок. Внутри оказалась точная копия «Биркин 25» цвета розовой сакуры и карточка, написанная от руки:

Сумка есть сумка, но только «Биркин» есть «Биркин». (Не волнуйся, это копия. Я не настолько глуп).

Записка была остроумная, но подарок своей чрезмерной женственностью и явной легкомысленностью отпугнул Винни. Позже она рассказывала мне, что поездка в Шэньчжэнь показала ей, каким может стать её будущее, и ей очень не понравилось то, что она увидела. Когда я попросила уточнить, она объяснила, что у неё нет ничего общего с двоюродной сестрой и её подругами. Нет, это очень милые дамы, но всё, что их заботит – как заработать достаточно денег на дизайнерские наряды и самые престижные универсы для детей. А их мужчины ещё хуже женщин.

Но с Боссом Маком вы были по-настоящему близки, сказала я.

Ещё бы, ответила она. Всю жизнь мечтала стать любовницей женатого старикана. К тому же я сразу поняла, что он алкаш (за ту ночь, что они провели вместе, он методично опустошил мини-бар.)

Получив в подарок фальшивую «Биркин», Винни решила остаться в США. Она купила билет в один конец до Лос-Анджелеса, решив начать новую жизнь вдали от Шарлоттсвилля, штат Вирджиния, и бывшего мужа Бертранда Лююиса (того, что был женат на её покойной тете, но это совсем другая история, детектив. Я доберусь и до неё).

Винни знала, что в таком дорогом городе, как Лос-Анджелес, с деньгами придётся быть осторожнее. Она въехала в од-

нокомнатную квартиру в обшарпанном здании, забитом студентами колледжа, и купила подержанный Киа Спортейдж, гремевший на шоссе, как консервная банка. Вооружившись фальшивым резюме, в котором утверждалось, что она закончила Стэнфорд в две тысячи четвёртом году вместе со всеми нами, она полагала, что ей будет несложно найти работу в области маркетинга, коммуникаций или продаж. Она разослала своё резюме в двадцать две компании и не прошла ни одного собеседования, поэтому расширила сеть, подав заявку на должность преподавателя китайского языка. Она даже пыталась устроиться няней после того, как девушка из Шанхая, толкавшая коляску с близнецами, рассказала, сколько ей платят. Когда не вышло и этого, Винни запаниковала.

Однажды, спустя несколько месяцев после переезда, она проезжала мимо ломбарда, расположенного в нескольких кварталах от Родео Драйв, и увидела вывеску над тёмно-зелёным навесом, пугающе элегантным, как в любом дизайнерском бутике: «Компания Беверли Лоан». Её взгляд упал на розовую поддельную «Биркин», так и лежавшую на пассажирском сиденье. Даже без коробки и мешка с логотипом она продала её за сумму, способную покрыть арендную плату за месяц и, что ещё важнее, дать начало новому предприятию. Вернувшись в свою квартиру, она позвонила Боссу Маку, чтобы посоветоваться. Ему так понравилась эта идея, что он предложил покрыть начальные расходы. Так он стал первым инвестором в бизнес Винни.

На следующий день ей позвонили из эксклюзивной школы китайского языка в Калвер-Сити и предложили работу учительницы для детей дошкольного возраста. Решив, что ей стоит подстраховаться, Винни сразу согласилась.

Вначале она действовала в одиночку. Она завела кучу кредитных карт под разными именами, чтобы распределить свои покупки и последующие возвраты: Винни Фэнг Льюис, Вэньи Фэнг, Винни В. И. Льюис. А потом пошла по магазинам. «Нейман», «Сакс», «Нордстром» и «Блуменсдейл» она посетила с классической сумкой «Ле Плиаг» от «Лоншан». Вы знаете, о чём я? Уверена, вы бы её тут же узнали. Это довольно хлипкая нейлоновая сумка, которая складывается в маленький квадрат. Она бывает практически всех цветов, какие вы можете себе представить, от фиолетового до авокадо и персика, и подделывать эту сумку пугающе тривиально. Если вы простоите на улице около часа, вы увидите человек десять с такими сумками, поддельными и настоящими. В первые дни Винни пристроила так много этих сумок, что организовала ежемесячные поставки из Китая, уверенная, что найдет им применение.

От «Лоншан» она перешла к классическому «Луи Виттону»: «Спиди», «Ноэ» и «Алма». А следом настал черёд «Прада», «Гуччи», «Шанель», «Диор». За год она собрала целую армию покупательниц по всей стране, скупавших роскошные сумки, как носки.

Вы уже знаете, где она находила этих молодых азиатских

женщин – в Интернете, на форумах фанатиков сумок, а потом по личным рекомендациям. И всегда старалась скрыть свою личность.

Работа была изнурительнее, чем кажется. Она летала туда и обратно между Гуанчжоу и Лос-Анджелесом, лично проверяя каждую единицу товара, торгуясь за каждый цент. Став профессионалом в области классики, она занялась более эксклюзивными и, следовательно, более прибыльными коллекционными и даже выпущенными ограниченным тиражом сумками, для которых требовался совершенно другой уровень поставщиков.

А потом, спустя полтора года её жизни в качестве бизнес-леди с ежемесячным доходом в сто тысяч долларов, было принято её заявление на получение американского гражданства, и она решила остаться в США до тех пор, пока не были завершены необходимые собеседования и встречи. В этом она тоже опиралась на Босса Мака. Обладая обширной сетью контактов, он мог легко найти производителей качественных подделок и завязать новые знакомства, и, вероятно, делал бы это бесплатно, если бы Винни не настояла на выплате ему небольшого комиссионного вознаграждения.

Эта схема хорошо работала до того дня, когда он появился на собрании, с трудом владея языком и совершенно не понимая, где находится. Его отвезли в больницу, где его жена рассказала врачу, что белки глаз ее мужа уже несколько недель были желтоватыми. Десять дней Винни не могла дозвонить-

ся до Босса Мака. Её поставки были задержаны, из-за чего она пропустила сроки возврата нескольких дорогих сумок, что сократило её прибыль. Она всё простила Боссу Маку, узнав, что его госпитализировали из-за печёночной недостаточности, но от этого её проблемы не решились. Без надёжных связей ей приходилось работать удалённо, до поздней ночи изучая фотографии высокого разрешения и отвечая на звонки. Но как бы неустанно она ни работала, качество прибывающих сумок, даже от прежде надёжных поставщиков, ухудшалось, а цены понемногу продолжали расти. Было ясно, что если она не найдет эмиссара, которого сможет отправить в Гуанчжоу от своего имени, ей придется закрыть всё это дело и, возможно, вернуться к обучению чёртовых биллингов (её слова, не мои).

К тому времени, когда она появилась в кофейне по соседству от моего дома, её отчаяние достигло высот Бурдж-Халифа. Так что представьте себе её удивление и восторг, когда она обнаружила, что я могу решить обе её проблемы.

* * *

Спустя несколько дней после скандала в «Неймане» Винни позвонила мне, чтобы извиниться. Она сказала, что ничего не соображала. Удалённая работа в Гуанчжоу стала такой головной болью, что она была вне себя от стресса. Она собиралась заплатить кругленькую сумму за партию, но... тут

она оборвала себя. Ты изложила свои взгляды, сказала она, так что я ни слова больше не скажу о своей работе. Но, Ава, я хочу, чтобы ты знала – мне нравится проводить время с тобой и Анри. Я надеюсь, мы сможем остаться друзьями.

Я всё ещё злилась, и так ей и сказала. Она ответила, что всё понимает и больше не станет меня беспокоить.

Как бы я хотела, чтобы этим всё и кончилось. Как бы я хотела, чтобы после этого разговора она исчезла из моей жизни.

Может быть, если бы я так не беспокоилась о своём браке, ребёнке, карьере, висевшей на волоске – или если бы Винни появилась в моей жизни в другое время – я бы поступила иначе.

Представьте, что я стою посреди комнаты с телефоном в руке, вне себя от злости. Представьте, что в комнату входит мой муж. Представьте, как я обнимаю его, прижимаясь лбом к его лбу.

В жизни не догадаешься, что случилось, сказала бы я ему. Ты представляешь, она думала, я не буду иметь ничего против того, чем она занимается!

Но тогда были не обычные времена. Оли не пришел домой ни в ту ночь, ни в следующую. Его текстовые сообщения, если он вообще их отправлял, были короткими, а когда я попыталась позвонить ему по видеосвязи, прежде чем уложить Анри спать, он всё ещё был в больнице и ответил только: Сейчас не могу говорить. Люблю тебя, сын. Не плачь,

прости, мне нужно идти.

Когда мой ребёнок впал в четвертую за день истерику, я рухнула обратно на его кровать, такая разбитая, что мне даже удалось задремать среди его оглушительных криков. На миг его вопли стали рёвом белого шума, а потом он принялся икать. Мои глаза распахнулись. Я гладила его и укачивала, уговаривала и умоляла, пока он не обессилел от плача и не провалился в глубокий сон.

Я потащила свое ноющее тело в комнату, изнывая от злости. Я ненавидела Оли за то, что ему было куда пойти, над чем подумать, какие задачи решить, а я осталась тут одна, запертая в ловушке с ребёнком-демоном. В тот момент единственное, что имело значение – моё желание отомстить мужу. Я хотела заставить его почувствовать себя таким же брошенным и бессильным, как и я, показать ему, каково быть тем, кого бросили.

Я открыла ноутбук и стала искать рейсы в Бостон, чтобы увидеть отца, в Чикаго, чтобы увидеть Гейба. Без мамы, которая организовывала наши встречи, мы не виделись уже семь месяцев – с самых её похорон.

Но когда я представила, как расскажу отцу, что у меня в семье проблемы, я тут же представила и его испуганное лицо. Если ты чем-то недовольна, просто скажи ему, ответил бы мне отец, и его глаза за очками забегали бы быстро-быстро. Может, он просто не понимает. И если бы я сказала: нет уж, я почти уверена, что Оли всё понимает, – он

продолжал бы отступать, размахивая банальностями, как белым флагом: я уверен, что вы сможете всё исправить. Когда есть желание, есть способ. Всё наладится.

Рассказать брату было бы, представьте себе, ещё хуже. Гейб, всегда беззаботный, всегда в отличном настроении, просто пожал бы плечами, как будто я слишком остро реагирую, и сказал бы: всё, что тебе нужно сделать, это решить, хочешь ли ты переехать в Пало-Альто, верно? Не нужно делать проблему больше, чем она есть. Я бы ответила: и всё? Спасибо, что просветил меня, о мудрейший. Он воздел бы руки к небу и велел бы мне расслабиться, я разозлилась бы ещё сильнее, и цикл повторялся бы до тех пор, пока я наконец не пришла бы в самое настоящее бешенство.

Хотите спросить, что сказала бы мама? Если честно, не думаю, что я вообще бы решилась посвятить её в свои проблемы. Вернее, я бы их преуменьшила и сделала вид, что поддерживаю план мужа. Почему? Потому что, хотя внешне она никогда не была грубой с Оли – для этого она была слишком доброй и слишком вежливой, – она всегда держала его на расстоянии вытянутой руки, не доверяя его харизме. Она единственный человек, кого я знаю, кто не поддался очарованию моего мужа. Наверное, поэтому я ладила с ней лучше всех. Границы между нами были ясными и чёткими, и мы не могли спорить о том, о чём я ей не говорила.

В верхней части экрана замелькал баннер, рекламирующий билеты со скидкой в Гонконг. Я вспомнила о тёте Ли-

дии, маминой старшей сестре, которая перелетела через Атлантику, чтобы приехать на похороны. Она сидела рядом со мной, её твёрдая прохладная рука гладила меня по спине. Всякий раз, когда меня загонял в угол кто-то из маминых коллег или соседей, тётя отвечала на их вопросы, от моего имени принимала их соболезнования, а иногда просто уводила меня прочь. Прежде чем она уехала, она взяла с меня обещание приехать вместе с Анри в Гонконг, чтобы повидаться с бабушкой, пока она ещё в сознании, и я молча кивнула, не в силах понять, как так вышло, что у меня есть бабушка, а у моего ребёнка – нет.

Сидя в тёмной спальне, освещённой только сиянием моего ноутбука, я убеждала себя, что сейчас идеальное время, чтобы вместе с Анри отправиться в гости к моей большой семье. В конце концов, через пару месяцев он пойдёт в детский сад, и я найду способ вернуться к работе. Конечно, тринадцатичасовой перелет должен был стать непростым испытанием, и я серьёзно подумывала о том, чтобы попросить Марию полететь с нами. Меня остановила только мысль, что придётся объяснять дяде и тёте, почему я не могу сама справиться с собственным сыном.

Прежде чем я успела передумать, я ввела данные своей кредитной карты и нажала на «Купить». Я могу честно сказать: мне и в голову не пришло, что Гуанчжоу находится на границе с Гонконгом. Не забывайте, что в то время я представляла себе лишь схематичные наброски того, что делала

Винни.

5

Твёрдо решив не дать Оли отговорить меня от поездки, я сообщила ему новость лишь спустя двадцать четыре часа, когда отменить покупку было уже невозможно. Была почти полночь, но он тут же мне позвонил.

Что? Когда? Ты не можешь тащить туда Анри.

Чем больше он бесился, тем холоднее я становилась. Я всё тебе написала в сообщении.

Почему ты мне не сказала?

Я свернулась под простынями, прижала телефон к уху. Только что сказала.

Почему сейчас? Вот так внезапно? Давай через пару месяцев, все вместе? Устроим весёлый отпуск?

При этих словах я с трудом сдержалась, чтобы не запустить телефоном в стену. О чём ты, Оли? У тебя вечно нет времени.

Ты не выдержишь такую долгую поездку с Анри одна.

Я не смогла удержаться. Я ответила – у меня большой опыт, как управляться с ним одной.

Повисла пауза, и я физически ощущала, как он борется с одолевающими его эмоциями. Наконец он спросил: Почему ты постоянно на меня злишься?

Наконец-то он начал обращать на меня внимание.

Всего одиннадцать дней, сказала я. Ты и не заметишь, что

мы уехали.

Я услышала резкий стук – будто он ударил кулаком в стену или по какой-то твёрдой поверхности – и едва не подпрыгнула. Оли никак нельзя было назвать эмоциональным.

Ава, я должен был получше уладить вопрос с жильём. Мне очень жаль. Прошу тебя, не уезжай.

Что-то в моей груди сжалось, но было уже поздно менять решение. Всего полторы недели, сказала я. Что уж так переживать из-за этого?

Его голос был сдавленным. Я только и делаю, что работаю. Я не веселиться сюда приехал.

Бессильная исправить ситуацию, я решила нападать. Тем более хорошо, не будем тебя отвлекать.

Мы оба понимаем, что ты не выдержишь даже полёт, сказал он уже резче.

И должна признать, что Оли оказался не так уж неправ. Сперва Анри очаровал всех стюардесс, размахивая пухлыми лапками и сияя улыбкой всякий раз при виде них. Я прижалась губами к его щеке, так что он запищал от радости, и подумала – может быть, мы уже пережили ужасный кризис двух лет, и впереди новые радостные времена?

Но его хорошее настроение исчезло без следа, когда я пристегнула его к сидению. Он вопил, когда самолёт поднялся в небо, и когда я переодевала ему подгузник, и когда пыталась накормить яблочным пюре (к тому времени я уже разочаровалась в низкогликемической бизоновой диете). Он во-

пил, когда я таскала его взад-вперёд по проходу, взад-вперёд, взад-вперёд, потому что я не знала, что ещё делать. Сперва я виновато смотрела в глаза каждому пассажиру, пытаюсь дать им понять, как мне ужасно стыдно, но после четвёртой такой прогулки просто впилась взглядом в тёмное ковровое покрытие, тихо и мрачно напевая Анри в самое ухо. Даже самые милые стюардессы, которые первые несколько часов сочувственно улыбались мне и предлагали игрушки и конфеты, в конце концов начали шипеть, чтобы я перестала загораживать дверь в туалет.

Вы сказали, у вас две дочки, детектив. Сколько им лет? Значит, вы помните, как было трудно, когда они были маленькими. Оли говорит, у Анри чувствительные уши – евстахиева труба и всё такое – отчего ему, бедняжке, особенно тяжело летать самолётом. Мы надеемся, он это перерастёт.

Всю дорогу до Гонконга Анри выл как в делирии и спать не собирался. Лишь когда мы сели в такси, он наконец вырубился. Я изо всех сил старалась не разбудить его, оставив багаж в вестибюле и заталкивая коляску в лифт, и, к своей радости, не сразу же при встрече продемонстрировала родным безутешно рыдающего ребёнка. Пока дядя тащил мои сумки, я уложила Анри в кровать. Окно моей спальни выходило на лес бледных тесных многоэтажек, залитых предвечерним светом. Я сделала снимок и выложила в Интернет с подписью «Я это сделала», надеясь позлить Оли.

Уютная квартира дяди и тёти располагается на пятнадца-

том этаже старого, но крепкого дома в Хэппи-Вэлли. Тётя всегда любила рисовать, и стены увешаны её огромными акварелями – портретами дочек и внучек. Тётя Лидия сказала, что моя бабушка, которая живёт в доме престарелых неподалёку, всю неделю спрашивала обо мне. Дядя Марк сказал, что двоюродные сестрички передают мне привет (Кайла – шеф-повар в «Мандарин Ориентал», Карина – офтальмолог, недавно перебралась в Сингапур). Тётя и дядя одобрительно кивали, когда я рассказывала о новой работе Оли в Стэнфорде, и я вспомнила, что муж Карины, ортодонт, ушёл от неё к своей ассистентке, что ускорило её переезд за границу. Я сказала им, что Гейб с женой ждут ребёнка, тётя улыбнулась, и у неё на щеке появилась ямочка, в точности как у мамы.

В Гонконге мне на каждом шагу попадаются люди, которые могли бы быть моими родственниками, так мы похожи – те же широкие скулы, высокие лбы, загорелая кожа. Когда я впервые сюда приехала в возрасте трёх лет, я была ошарашена, увидев толпы китайцев, выходящих из аэропорта. Тут все похожи на нас! – воскликнула я, и мама с папой так хохотали, что на нас начали оглядываться.

Лишь когда подошло время обеда, из спальни послышался скулёж. Я метнулась туда, поставила на айпаде Паровозика Томаса, и, когда глаза Анри вновь закрылись, метнулась в душ. Потом проверила телефон и увидела несколько сообщений от Винни.

Привет. Блин, мне жаль, что мы вот так

растались. Ещё раз прости, что всё это тебе рассказала.

Я не считаю себя виноватой, просто уточняю, что у меня были большие проблемы с отделом в Гуанчжоу и голова работала плохо. Мне очень жаль, что я всё это на тебя вывалила.

Кстати, ты в Гонконге? У родных? Отличной поездки! Надеюсь, увидимся, когда ты вернёшься!!

Тогда я не подумала ничего плохого, но теперь, оглядываясь назад, понимаю, что она, конечно же, мониторила мои соцсети, хотя божилась, что у неё нет аккаунтов ни в одной из них.

Отложив телефон, я вынула из чемодана новую игрушку для Анри – маленький аэроплан. Размахивая им, я убрала айпад в ящик и понесла показывать сына дяде и тётё. Следующие несколько минут тётя Лидия и дядя Марк ерошили ему волосы, гладили щёчки и восхищались всем от его длинных ресниц до больших ног, а я стояла в углу, скрестив руки и молясь, чтобы сын не разревелся. Но он, чудо из чудес, был слишком увлечён аэропланом, поднимал его высоко над головой и энергично жужжал. Гордясь им, я чмокнула его в макушку.

Мы даже смогли почти без слёз посетить ресторан, который выбрала тётя. Там мы лакомились копчёной уткой и хрустящими креветками с солью и перцем, и я жадно глотала крепкий жасминовый чай, чтобы не уснуть.

Когда нам принесли бесплатный десерт – манговый пу-

динг – я вынула кредитную карточку, как ковбой вынимает пистолет, и торжественно направила на официанта. Дядя и тётя так бурно запротестовали, что Анри завопил от радости, но я стояла на своём.

Спустя несколько минут официант вернулся и, наклонившись ко мне, прошептал мне в ухо, что платёж отклонён. Дядя вновь потянулся за кошельком. Я сунула официанту дебетовую карту и пробубнила, что забыла уведомить банк о поездке.

Ну что за глупости, Ава, сказала тётя, давай мы заплатим. Потом разберёшься с банком. Американцы, они такие, сказал дядя, независимые. Наши дети никогда не предлагают заплатить!

Я и так благодарна, что вы разрешили нам приехать, ответила я. Глупости, сказала тётя, мы же семья.

Официант вновь вернулся, и его печальный вид свидетельствовал о том, что и эта попытка была отклонена. У тебя надёжный банк, сказала тётя, а дядя молча протянул официанту свою карточку. Мне было так стыдно, что когда Анри принялся играть моей палочкой для еды, я почти обрадовалась этой возможности отвлечься. Я вырвала палочку у него из рук, нечаянно ткнув его в щёку и вызвав возмущённый вопль, подпрыгнула, подхватила его на руки и выбежала из ресторана, выкрикивая извинения перед ним и всеми, кто находился в зоне слышимости. Дядя Марк расплатился, и они с тётей вышли вслед за нами.

Дома, усадив Анри за айпад, я позвонила в банк, скорее злая, чем обеспокоенная. Жизнерадостный женский голос с южноазиатским акцентом сообщил мне, что мою проблему постараются решить, если я не против немного подождать. Зазвучала классическая скрипичная музыка.

Миз Десжардинс? – наконец спросила женщина, исковеркав мою фамилию. Ничего, я привыкла.

Вонг, ответила я.

Что, простите?

Нет, ничего. Можете называть меня просто Вонг. Миз Вонг.

Да, простите. Миз Вонг-Десжардинс. Полагаю, мы разобрались с проблемой.

Значит, я могу пользоваться картой? Я посмотрела на Анри, уснувшего в странной позе – будто он что-то вымаливал, стоя на коленях, а потом устал, рухнул лицом вниз и вырубился.

Нет, боюсь, что нет. Ситуация довольно сложная.

И какая же? – вопрос вырвался у меня изо рта, оставив после себя горький вкус тревоги.

Выяснилось, осторожно сказала женщина, что мистер Десжардинс исключил вас из числа пользователей его кредитных карт.

Что это значит?

Это значит, что ваша кредитная карта больше не работает. Я с силой хлопнула себя по бедру, лишь чудом не разбудив

Анри.

Похоже, он также изменил настройки вашей совместной учётной записи, так что все будущие снятия средств теперь должны одобрять вы оба.

Значит, я не могу пользоваться и дебетовой картой?

Нет, если он не одобрит сделку. Когда он это сделал? Почему меня не уведомили? Двадцать третьего января, значит, вчера.

Я метнулась в ванную, закрыла дверь. Вы не понимаете. Я в Гонконге. У меня нет денег.

Я прошу прощения, но поскольку основным владельцем аккаунта является мистер Десжардинс... – её голос оборвался.

Де-жар-ден, отрезала я.

Простите?

Нет-нет, не обращайтесь внимания. Какие варианты у меня есть? Видите ли, я за границей, и у меня здесь ребёнок. Вы можете дать мне доступ к карте, пока я не свяжусь с мужем?

Тем же монотонным голосом женщина сказала: прошу прощения, но у меня нет таких полномочий.

Мой голос рикошетом отозвался от плиток ванной: Как он мог это сделать, не согласовав со мной?

Простите, но он основной владелец аккаунта...

Ладно, ладно, я поняла. Я закончила разговор и снова и снова набирала номер Оли. Автоответчик был как насмешка, как бесконечно повторявшаяся реклама. Привет! Вы по-

звонили доктору Оливье Дежардену. Пожалуйста, оставьте мне сообщение, и я свяжусь с вами в ближайшее время!

Наконец я сдалась. Очевидно, мне не угрожала серьёзная опасность. Дядя и тётя готовы были помочь мне всем необходимым – он знал это не хуже меня. Чего он хотел, так это пристыдить меня, заставить признаться родным в моем плачевном положении.

И я не могу сказать, что его виню. В конце концов, он ведь просил меня не уезжать, а я не послушалась, решив просто сбежать от наших проблем, как безрассудный подросток.

Вы, кажется, удивлены, детектив. Вы, наверное, думаете, что его поступок неприемлем, что это выходка какого-то мизогиниста с навязчивой идеей всё контролировать. Такая рефлекторная реакция была бы у многих из нас, феминисток, но я могу заверить вас, что Оли не такой. По правде говоря, я сильно его подвела, когда уволилась с работы и наш доход существенно сократился, а расходы в связи с рождением ребёнка тревожно возросли. Когда Анри было около пары недель от роду, я из-за нехватки сна совершала одну дорогостоящую ошибку за другой: я пропустила пару платежей по кредитной карте и получила кучу штрафов за просрочку; я разбила боковое зеркало своей машины, выезжая из гаража; я забыла выключить кран, нанеся этим ущерба на две тысячи долларов. Тогда Оли решил сам заниматься нашими финансами, организовав отправку наших счетов на его адрес электронной почты. Честно говоря, когда он из-

менил структуру нашего банковского счета, понизив меня с владельца общего счёта до авторизованного пользователя, я не чувствовала ничего, кроме облегчения. Это немного снижало моё чувство вины за то, что я не работаю. И в тот период, когда моя голова и сердце были заняты только ребёнком, я была более чем счастлива отказаться от обязанностей, связанных с финансами, особенно если Оли тоже испытывал меньший стресс.

Только не смотрите на меня вот так. Вы же уже поняли, что я не застрявшая в прошлом домохозяйка, несущая патриархальный бред. Мама обычно смотрела на меня таким же взглядом, как будто не могла поверить, что так упорно боролась за гендерное равенство, только чтобы увидеть, как её дочь сдаёт позиции. Но её поколение не понимает одного. Равенство – это когда у меня есть выбор, даже если мой выбор не тот, который сделала бы она.

Знаете, за пару дней до свадьбы она загнала меня в угол, чтобы расспросить насчёт наших финансов. Я помню, как это меня поразило. Она более или менее оставила меня в покое, когда я закончила колледж, и вот опять. Я сказала ей, что мы с Оли объединили наши учётные записи, чтобы одной проблемой стало меньше.

Она поджала губы. По-моему, неплохо иметь свои собственные деньги.

Я не смогла сдержать смешок. За кого она нас принимает – за финансово зависимую дурочку и хама-шовиниста? В

те времена моя зарплата была втрое больше, чем у него! Но когда я поняла, что она это серьёзно, я собралась с мыслями. Я не знала даже, с чего начать. Я начала с того, что Калифорния – штат, поддерживающий общую собственность. Допустим, я по какой-то причине перестану работать на пару лет, а потом мы с Оли разведёмся, но всё имущество, накопленное за время брака, будет разделено пополам. Во всяком случае, пошутила я, я должна заставить его подписать брачный договор на случай, если мы разведёмся ещё до этого.

Я услышала в собственном тоне дерзкие нотки, и мама тоже их услышала. Её рот вытянулся в угрюмую складку. Она сказала: знаю, знаю, ты получила отличное образование. У тебя прекрасная работа. Я просто к тому, чтобы ты подумала на будущее.

Я не подумала.

Теперь я в отчаянии швырнула свои бесполезные пластиковые карты на коврик для ванной. Во время нашего последнего разговора с Оли, прежде чем я села в самолёт, он сказал мне: ты не можешь иметь всё и сразу. Не можешь швыряться деньгами, как захочешь, а потом есть мне мозг, что я зарабатываю эти деньги.

Я так разозлилась, что не смогла ничего ответить. *Наш дом, наши правила* – подчёркивали родители, когда я была подростком. Вся эта скрытая юношеская ярость разом вспыхнула во мне, и единственное, что я смогла выдавить из себя, прежде чем положить трубку, так это холодное «как ты

можешь».

Я никак не могла позволить ему победить – извиняться, молить о пощаде, унижаться перед дядей и тётей. Что я могу сказать, детектив? Вы не станете отличницей по жизни, если не будете достаточно конкурентоспособны.

Простите, я не пытаюсь оправдать свой поступок. Я просто хочу объяснить, как сработало моё почти патологическое желание держаться на плаву и почему я убедила себя, что мне остался лишь один вариант. Я набрала сообщение Винни. *У меня проблемы с банковским счётом, и мне необходимы деньги. Тебе ещё нужен человек, чтобы ехать в Гуанчжоу?*

Не прошло и пары секунд, как она ответила: *Поговорим?*

Сев на край ванны, я ждала её звонка. Она не стала тратить время на любезности. Сразу велела мне взять ручку и бумагу, потому что она не может переслать эту информацию в сообщении.

Сказав себе, что у меня ещё есть время отказаться от этой идеи, я согласилась. Завтра утром, сказала она, к квартире твоих дяди и тёти подъедет водитель, чтобы отвезти тебя во Всемирный торговый центр «Байун Лезер», крупнейший в мире магазин точных копий дизайнерских изделий из кожи.

Погоди, велела я. Я ещё ни на что не соглашалась. Это место опасно?

Ава, ответила Винни, это обычный торговый центр.

Там, в «Байун Лезер», следовало найти магазин, кото-

рым управляли люди Винни, осмотреть и оплатить пятьдесят поддельных «Шанель Габриель» всех самых модных расцветок и тканей.

Это тоже меня озадачило. Что, черт возьми, такое «Габриэль»? Что именно я должна была проверить?

Ты сможешь это сделать, твёрдо сказала она. Осмотри сумку со всех сторон. Разгладь кожу – она должна быть мягкой и податливой. Убедись, что молнии застегиваются плавно, швы ровные, края и швы совпадают. Проверь фурнитуру. Внимательно прочитай каждое слово на карточке подлинности.

Я записывала так быстро, как только могла. А что, если я не смогу отличить хорошую подделку от плохой?

Делай фото – крупным планом, снаружи и изнутри – и отправляй мне.

Это указание немного меня успокоило, но вместе с тем вызвало вопрос, почему она сама не может с этим справиться, находясь в Лос-Анджелесе.

Винни раздражённо выдохнула. Ава, мы покупаем не у какого-то известного бренда. Эти люди – мошенники. Они могут взять с меня плату и прислать мне кучу дерьма. Ты единственная, кому я доверяю.

Услышав, как она называет своих коллег мошенниками, я вырвалась из транса. О чём я только думала? Я никогда в жизни не совершала ничего даже отдалённо противозаконного, и меньше всего мне хотелось бороться за доверие Вин-

ни.

Нет, я не могу этого сделать. Мне жаль тратить твоё время.

Не вешай трубку.

Её команда парализовала меня.

Всё, что от тебя требуется – показать этим людям, что за ними следят. Просто помочь старой подруге. Ты не совершаешь ничего преступного. Никому не причиняешь вреда.

Ты опять, возмутилась я.

Слушай, сказала она, я не собираюсь спрашивать, почему тебе вдруг понадобились деньги, но если это действительно так срочно, как кажется, это будут самые лёгкие деньги в твоей жизни.

Она сказала мне, что после того, как я проверю и оплачу сумки, их отправят в Дубай, где распахают по маленьким ничем не примечательным посылкам, которые не вызовут подозрений ни у кого в США. Как только она получит подтверждение об отправке, она пришлёт мне мою часть, пять процентов.

Я спросила: Пять процентов от чего? Себестоимости или розничной цены?

Розничной цены. Я не жадина.

Я быстро сделала подсчёты. Если реальный аналог каждой сумки будет продаваться в Интернете за четыре штуки, она заработает вдвое больше, относя подделки в ничего не подозревающие брендовые магазины. Когда я указала на этот

факт, она рассмеялась и сказала: Хорошая мысль, хорошая мысль. Надо дважды подумать, прежде чем бодаться с выпускницей Стэнфорда.

Прежде чем я это осознала, мы договорились удвоить мою комиссию и отправить мне по частям.

Я сказала, что мне по-прежнему не по себе. Тон Винни тут же смягчился, расплавился, как масло на тосте. Тебе станет гораздо лучше, когда всё закончится и тебе заплатят.

Она посоветовала мне открыть мобильный кошелек на WeChat для удобства и конфиденциальности, намеренно не спросив, что случилось с моим банковским счетом. (Как мы с вами уже обсуждали, у нее были и другие способы получить ответы.)

Я буду отправлять все платежи тебе на WeChat, сказала она и многозначительно добавила: никто никогда ничего не узнает.

Водитель Винни прибыл на следующее утро ровно в семь, чтобы помочь мне совершить двухчасовое путешествие до Гуанчжоу. Собирая вещи, я остановилась у обеденного стола, где между дядей и тётёй сидел Анри и лакомился кукурузными хлопьями. Я наклонилась и расцеловала его в обе щеки. Пока, булочка. Веди себя хорошо.

Он осыпал меня хлопьями, как невесту рисом. Если бы я не торопилась так сильно, может быть, это бы меня повеселило. Тётя поднялась, чтобы собрать разбросанные хлопья. Я бросилась обратно к столу и шлёпнула Анри по руке. Булочка, нельзя бросаться едой. Я наклонилась, чтобы помочь тётё.

Анри хихикнул и бросил ещё одну горсть прямо мне в лицо. Я схватила его за руку. Нет. Мы так не делаем.

Дядя отодвинул миску. Ты не сможешь есть хлопья, если будешь ими швыряться.

Простите, сказала я.

Ни дядя, ни тётя не ответили, но во взглядах, которыми они обменялись, читалось явное сожаление, что они согласились присмотреть за Анри. Зазвонил мой мобильник – водитель хотел дать мне понять, что приехал. Анри захныкал и дёрнул себя за ухо. Не вздумай плакать, булочка, предупредила я.

Он хлопнул по подносу детского стульчика, требуя еще хлопьев. Я медленно попятилась к двери, сжимая в руке хлопья, которыми он в меня запустил. Не. Плачь.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Веди. Себя. Хорошо. Его глаза сверкнули.

Тебе пора, сказала тётя. Не опаздывай.

Хорошо пообщаться с подругой, сказал дядя.

Именно это я им и сказала – что собираюсь встретиться с бывшей однокурсницей. Спасибо, ответила я. Правда, большое спасибо.

Когда я закрыла за собой дверь, хныканье сына перешло в визг. Я бросилась в лифт и нажала кнопку. Всю дорогу вниз я смотрела в камеру, уверенная, что она запечатлеет лицо худшей матери в мире. За менее чем двадцать четыре часа, которые мы провели в Гонконге, тётя и дядя уже успели пережить одну истерику, а вторая была в разгаре. Я ждала, что в вестибюле они догонят меня и закричат, что передумали.

Вы водили его к специалисту? – мягко спросила тётя вчера вечером. Может, посоветоваться с Кариной? Я напомнила ей, что его отец тоже врач, и она оставила эту тему.

В вестибюле я выбросила хлопья в мусорное ведро. За стеклянной дверью стоял водитель, мужчина средних лет с небольшим брюшком и редующими волосами. Ещё не поздно было всё отменить. Я могла бы вытащить из кошелька последние доллары и извиниться за ложный вызов. Я могла бы подняться наверх к своему плачущему мальчику.

Но что потом? Как бы я объяснила, почему у меня нет денег? Как я могла сообщить, что сделал мой муж, не подняв тревогу? Вся моя семья обожала сплетни. Если бы мама была жива, тётя сразу же связалась бы с ней, чтобы убедиться, что она в курсе, как и мои двоюродные сёстры. Наверняка в этот самый момент тётя Лидия всё же советовалась с Кариной насчёт *неприятностей* у Анри и спрашивала, можно ли дать ему немного бенадрила.

А ночью, когда дядя и тётя ложились бы спать, она непременно бы ему сказала: ты мог себе представить, чтобы Оли так сделал? Яна ведь советовала Аве завести свой банковский счёт, но она отказалась.

Американцы, сказал бы дядя, они такие упрямые. Может, они даже подмигнули бы друг другу, втайне радуясь, что не только у Карины муж оказался мерзавцем.

Нет, я не могла себе позволить сообщить им правду. Ослабить бдительность мне казалось таким же немислимым, как раздеться догола перед дядей и тётей. И теперь я чувствовала новое бремя – бремя нежелания разочаровать Винни.

Может быть, вам всё это трудно понять, детектив, но если вы с детства росли в тени «лица» – лица в переносном смысле, как имиджа, репутации, чести, за которые нужно бороться и хранить любой ценой – освободиться от ограничений и начать думать самостоятельно становится для вас геркулесовой задачей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.